

Се Юнь также по-своему помог, сказав: «Видишь вон того человека, третьего слева... Старший, не проявляй к нему милосердия, ударь его в спину!»

При его словах человек в черном, о котором шла речь, немедленно обернулся, чтобы защититься, - только чтобы обнаружить, что за ним абсолютно никого не было. Прежде чем он успел обернуться, Чжан Чэньфэй уже нанес смертельный удар ладонью ему в голову. Хотя руки Чжан Чэньфэя все еще работали не в полную силу, этого удара по ключевой точке давления мужчины было достаточно, чтобы гарантировать, что он никогда больше не встанет. Се Юнь и старый монах прекрасно дополняли друг друга, один направлял Чжоу Фэй, а другой сбивал с толку ее противников. С помощью одинокой сабли Чжоу Фэй, голых кулаков остальных, а также любых камней, которые они могли найти в качестве боеприпасов, им действительно удалось уничтожить большинство людей в черном.

Осознав, что он в опасности, последний человек в черном, стоявший на ногах, попытался отскочить, спасаясь бегством, но Се Юнь проревел: «Не упустите его!»

Сабля в руке Чжоу Фэй метнулась вперед при словах Се Юня, ее лезвие пронзило спину этого человека и вышло из его груди... где и застряло. В панике, пытаясь вытащить ее обратно, она приложила слишком много силы, в результате чего лезвие зацепилось за грудную клетку мужчины и оторвалось от рукояти, погрузившись прямо в него.

Чжоу Фэй: «...»

Ей не удалось избежать своей участи ломать каждую саблю, которую она использовала.

- Я достану тебе еще одну, - поспешно сказал Се Юнь. - Уходим сейчас же!

Он бросился в темноту, а группа беглецов следовала за ним по пятам. Они пролетели мимо длинного ряда тюремных камер, направляясь к небольшой тропинке, ведущей в гору - это был первоначальный маршрут побега, который он запланировал для Чжоу Фэй. На самом деле Се Юнь был чрезвычайно оперативен на всём этом маршруте, который начинался с самой первой камеры заключенных, которую они освободили. Хотя сначала этот маршрут шел вниз, в конце концов, он снова пошел вверх, по гладкой и уверенной дороге к свободе.

Поскольку теперь они находились на возвышенности, даже с большой группой слабых и раненых на буксире, они одержали бы верх. Людям внизу потребовалось бы больше усилий, чтобы подбежать к ним, и хотя у них не было оружия, они все еще могли бросать камни вниз.

Но как раз в этот момент они слышали грохот в долине внизу.

Поскольку Му Сяоцяо и Шэнь Тяньшу были более или менее равны, прибытие «Мицара» Тун Кайяна склонило чашу весов в пользу «Большой Медведицы». Му Сяоцяо взмахнул лютней перед собой. Она столкнулась с тяжелым мечом Тун Кайяна, в одно мгновение разлетевшись вдребезги и разбросав во все стороны обломки дерева. Повелитель Алых Птиц слегка откинул

голову назад и широко раскинул руки, рукава его мантии свисали с них, как крылья бабочки. Казалось бы, без всяких усилий он поплыл вверх, и его голос зазвенел: «Тот, кто уходит...»

Это был женский голос, такой же яркий и чистый, как стремительный горный ручей. Он лениво разносился по долине, пробираясь в уши и проникая в органы, пока человек не начинал чувствовать его глубоко в костях, посылая неконтролируемую дрожь вверх и вниз по позвоночнику.

Потрясенная, Чжоу Фэй не могла не оглянуться, и лицо Му Сяоцяо привлекло ее внимание. Его помада размазалась, из-за чего казалось, что кровь стекала с его губ и засыхала на подбородке. Он опустил свои холодные глаза. В этот момент она почувствовала, как что-то пронеслось мимо ее лица, возвращая ее к действительности. Это была метелка старого монаха, похожая на метелку из перьев, которой он легонько постучал по ее плечу. Чжоу Фэй почувствовала, как ее сердце неестественно забилося. Оглядевшись вокруг, она увидела, что была не единственной жертвой жуткого голоса этого дьявола, и даже Шэнь Тяньшу на мгновение застыл. Затем она услышала громовые раскаты из долины внизу, как будто чудовище пыталось вырваться из-под земли. Резкий запах начал проникать в долину.

- Что этот сумасшедший спрятал под землей?

- Наверное, он закопал керосин!

Два голоса раздались одновременно рядом с Чжоу Фэй, один принадлежал старому монаху, а другой Се Юню. Эти двое, казалось, могли читать мысли друг друга – не говоря больше ни слова, они схватили Чжоу Фэй за руки и потащили ее назад, прочь от долины.

Чжоу Фэй всё ещё не совсем понимала, что происходит, и позволила увлечь себя прочь. Их маленькая группа была похожа на дикую лошадь, которая вырвалась из узды и понеслась к вершине горы, чтобы быстро сбежать с другой стороны.

Радостный смех Му Сяоцяо раздался позади них.

А затем его заглушил оглушительный взрыв, который потряс само основание горы. В долине внизу взметнулось к небу огромное пламя.

Чжоу Фэй почувствовала, как от взрыва ее сердце выскочило изо рта, а в ушах зазвенело. Несколько мгновений она ничего не слышала. Некоторые из более слабых беглецов даже рухнули на землю. Се Юнь несколько раз пытался кричать, но, поняв, что даже он не слышит, что говорит, сдался и жестом показал им, что они должны продолжать идти и покинуть это место как можно скорее.

Едва избежав челюстей смерти, эта группа людей знала, что они должны были продолжать любой ценой – поскольку у него повсюду были враги, Му Сяоцяо, несомненно, подготовил бы запасной план именно для подобных ситуаций. А что касается Шэнь Тяньшу и Тун Кайяна, чья

дурная слава «продлится тысячу лет», и от которых даже могущественный Лян Шао не смог избавиться все эти годы, маловероятно, что они так легко сгорят дотла в этом огне. Если бы эта группа осталась здесь еще немного, они могли бы иметь несчастье столкнуться с любой из этих трех машин для убийства.

Им потребовалось почти чудо, чтобы выбраться из этой долины. Они ни в коем случае не собирались терять бдительность прямо сейчас.

Беглецами здесь были те добросердечные души, которые остались с Се Юнем, чтобы помочь освободить других, вместо того, чтобы немедленно убежать, и поэтому им не нужно было никаких подсказок, чтобы помочь подняться и даже нести слабых и покалеченных. Под покровом ночи они бежали так, словно от этого зависела их жизнь. Только после того, как они оказались примерно в десяти километрах от горы, Се Юнь согласился остановиться и отдохнуть. В этот момент всем было наплевать на то, как они выглядят – эта разношерстная команда героев со всех уголков страны в изнеможении рухнула на землю, желая просто погрузиться прямо в эту прохладную землю, пустить корни и лежать там вечно.

В этот час ночное небо еще не потревожил рассвет, и над их головами мерцали многочисленные звезды.

Группа беглецов оглядела друг друга затуманенными глазами, думая о том, что из всех людей в этой долине – хороших и плохих, злодеев и героев, и даже некоторых, с которыми они стали довольно хорошими друзьями, – только им удалось спастись благодаря капризу судьбы. Кто-то усмехнулся. А затем, как будто это было заразительно, смех начал распространяться. Через несколько мгновений все поддались своим эмоциям, некоторые от души смеялись, некоторые плакали, а некоторые всё ещё были погружены в свои мысли.

Чжоу Фэй села под большим деревом, прислонившись к нему спиной. В ее голове все еще царил путаница мыслей, вопросов и образов, в ушах по-прежнему звенело от звона оружия и взрывов. Она смотрела прямо перед собой на окружающие деревья и скалы, но всё, что она могла видеть, это черную массу людей «Большой Медведицы» в одно мгновение, долину, наполненную кровью и огнем в следующее, а затем «Формирование мухи-однодневки», снова и снова появляющееся перед ее мысленным взором. Ее мысли перескакивали с одного на другое, а сердце бешено колотилось. Казалось, что несколько коротких месяцев с тех пор, как она покинула дом, были длиннее, чем вся ее жизнь, вместе взятая.

Видя, что все были на грани потери самообладания, Се Юнь быстро взял себя в руки и начал раздавать инструкции: «Я слышу журчание воды в том направлении, так что мы, вероятно, сможем поймать немного рыбы, чтобы поесть. Все, должно быть, очень устали, потому что сначала нас накачали наркотиками, а потом нам пришлось пробежать весь этот путь. Почему бы нам не отдохнуть здесь одну ночь, а завтра утром отправиться дальше? Мы должны быть в состоянии добраться до города Хуажун за день, где вы сможете связаться со своими друзьями и семьей».

Беглецы, которым едва удалось сохранить свою жизнь, были бы благодарны даже за то, чтобы поесть травы. Несколько мужчин, которые немного отдохнули, встали и пошли к реке, чтобы

наловить для всех рыбы на ужин. Другие развели несколько костров, и через некоторое время все уже сидели вокруг открытого огня. После того, как они были заперты в каменной келье целую вечность, свобода бесконечного ночного неба и травы под ногами казалась им самой блаженной радостью.

Старый монах весело представился: «Я скромный человек из фракции «Цимэнь», и мое даосское имя Чун Сяоцзы. Для меня было величайшей честью побывать сегодня со всеми вами в аду и выбраться обратно».

Кроме Се Юня, который сразу узнал, кто он такой, все остальные были ошеломлены – «Цимэнь» был одной из четырех основных даосских фракций, наряду с «Цюаньчжэнь», «Удан» и «Цинъюнь». Среди них ученики Цимэнь были затворниками и редко появлялись в мире боевых искусств. Они также были искусны в тактических построениях и ловушках, которые скрывали их. Поэтому с ними было чрезвычайно трудно связаться, и, кроме лидера фракции, чье даосское имя было хорошо известно, остальные были в основном полной загадкой. Многие люди никогда прежде не видели живого, дышащего ученика Цимэнь в своей жизни, и, конечно, не такого могущественного старшего ученика, как этот – ведь кто-то с добавлением «Чун» в его имени должен иметь такую же выслугу лет, как нынешний лидер фракции Цимэнь.

Кто-то спросил:

- Как вы попали в лапы этого дьявола?

Чун Сяоцзы виновато поклонился:

- Мне стыдно признаться, что это произошло из-за моей неумелости. Я попал в его ловушку в момент неосторожности.

Вскоре после того, как он покинул Гору Живых Мертвецов, Повелитель Алых Птиц нашел эту крепость в горах и восстановил свое логово. Эта группа людей была захвачена в разное время, и у каждого были свои претензии к нему. Му Сяоцяо, похоже, имел склонность держать людей в плену. Но он, конечно, делал это не бесплатно и, возможно, даже вымогал выкуп у фракций и семей своих пленников. По сравнению с этим, 48 крепостей действительно не соответствовали своему прозвищу члена «преступного мира», поскольку они честно зарабатывали на жизнь, вспахивая поля и ведя дела с сельскими жителями, живущими у подножия гор.

Чун Сяоцзы вздохнул и сказал:

- Повелитель Алых Птиц - печально известный злодей, о морали которого нечего и говорить. Но хотя он действительно презренный, по крайней мере, он не собирался убивать нас, вместо этого сохраняя нам жизнь так долго. Те же два господина из «Большой Медведицы», напротив, были по-настоящему порочны.

Набожный старый монах говорил с предельной вежливостью, даже когда упоминал своих

врагов, причинивших ему тяжкий вред. Но люди вокруг него, конечно, не были такими добрыми и заворчали: «Ваше святейшество, не нужно быть таким вежливым – эти двое ни в коем случае не «господа», они явно комнатные собачки этого старого ублюдка с Севера!»

Чун Сяоцзы улыбнулся на это, но воздержался от ответа. Он поклонился Се Юню и Чжоу Фэй, сказав: «Большое спасибо этим двум молодым и благородным товарищам. Могу я узнать, из какой вы фракции?»

Он спросил то, что все хотели знать. Услышав его вопрос, они подошли ближе к двум молодым людям, ведь каждый был готов присовокупить свои собственные комплименты, комментарии и вопросы.

Чжоу Фэй не сомкнула глаз за три дня и как раз собиралась зевнуть. Она проснулась от внезапной стены шума, которая окружила ее, и обнаружила, что кто-то сунул ей в руку свежеприготовленную рыбу.

Один человек взволнованно хвастался от ее имени: «Несмотря на свой юный возраст, эта юная девушка чрезвычайно искусна в обращении с саблей. Я видел это своими собственными глазами – всего несколькими взмахами своего клинка она заставила этих двух негодяев из Большой Медведицы отступить!»

Чжоу Фэй: «...»

У нее даже не было возможности коснуться ни единого волоска на голове этих «негодяев», и на самом деле она накормила одного из них горячей булочкой.

Чжан Чэньфэй выступил вперед, чтобы спасти ее от бурного натиска, сначала представившись, а затем погладив Чжоу Фэй по голове, сказав: «Это моя шимэй из 48 крепостей. Хотя обычно она просто озорница, я рад, что она показала себя способной принести хоть какую-то пользу».

48 крепостей были широко известны и уважаемы. Так что Чжан Чэньфэй, кажется, только усугубил ситуацию, так как все немедленно начали осыпать ее всевозможными комплиментами, кланяясь и выражая свое почтение.

Кто-то даже сказал, дрожа от волнения: «Это была Снежная Сабля?»

В то время как Чжоу Фэй действительно использовала немного Снежной Сабли, она чувствовала, что ее скудные навыки были далеки от совершенства. Она также опасалась, что эта группа возбудимых распространителей слухов, чьи способности к преувеличению она только что лично засвидетельствовала, начнет распространять вести вроде: «Снежная Сабля сразила Дубхе одним ударом, а Мицара - другим! Я видел это своими собственными глазами!». Поэтому она быстро сказала: «Нет, нет, нет, учитывая мои ничтожные таланты, госпожа Ли отказалась передать мне технику Снежной Сабли».

К огромному облегчению Чжоу Фэй, прошло совсем немного времени, прежде чем группа мужчин успокоилась, поняв наконец, что им не совсем подобает продолжать осыпать молодую девушку непрерывными вопросами и комментариями. Она тихо устроилась в группе знакомых учеников 48 крепостей и рассказала им всю историю своего путешествия до сих пор – почему она сопровождала старую госпожу Ван вниз с горы, как Ли Шэн был схвачен и как она преследовала его. Теперь, когда она нашла Чжан Чэньфэя, он будет знать, куда идти, что делать, с кем связаться и как воссоединиться со старой госпожой Ван – всё, что ей нужно было делать, это следовать за ним. Наконец, успокоившись, она села в тихом уголке, лениво слушая, как разные мужчины трубят о ее подвигах.

Пока она слушала, ее мысли начали блуждать. Все это время она страстно желала однажды превзойти Ли Цзиньжун. Но теперь начала вырисовываться другая цель – двадцать лет назад знаменитое имя ее деда было синонимом 48 крепостей, а теперь это была «Снежная сабля госпожи Ли»... Возможно ли, что когда-нибудь имя «Чжоу Фэй» будет упоминаться с тем же придыханием?

Но эта безумная идея промелькнула у нее в голове лишь на мгновение. После дальнейшего самоанализа она почувствовала, что не только этот «журавль в небе», но и желание, чтобы слова «Чжоу Фэй» были общеизвестны, было более чем немного бесстыдным. Она отбросила эту мысль в сторону.

Юная барышня У мылась у ближайшего пруда, тщательно оттирая грязь с рук и лица. Затем она выстирала носовой платок, который Чжоу Фэй только что передала ей, и аккуратно повесила его на ветку дерева над головой. Окруженная группой мужланов, от которых воняло до небес, у нее не было выбора, кроме как сесть рядом с Чжоу Фэй.

Взглянув на девушку, Чжоу Фэй передала ей половину жареной рыбы, которую ей дали, и небрежно спросила: «Как тебя зовут?»

Юной барышне не подобало раскрывать свое имя при рождении посторонним, но такой грубой негодяйке, как Чжоу Фэй, которая думала только о том, как довести до белого каления своих наставников, конечно же, это было неизвестно. Если бы она не была девушкой, ее, вероятно, сочли бы развратником.

Юная барышня У посмотрела на толпу незнакомых мужчин вокруг нее. Ученики 48 крепостей быстро повернулись к ним спиной и сделали вид, что не слышали вопроса Чжоу Фэй. Ее лицо покраснело, когда она, наконец, ответила Чжоу Фэй. Ее голос был мягким, как жужжание комара: «Ты можешь называть меня Чучу».

Чжоу Фэй кивнула и сказала: «Моя мать рассказывала мне, что твой отец - великий герой. Как только ты вернешься домой со мной, тебе больше не придется бояться ни одного из этих злых людей».

Она сделала паузу, с тоской вспоминая о шумных 48 крепостях, и не смогла удержаться, чтобы не начать подробно описывать его юной барышне У. Чжоу Фэй была полной и абсолютной

деревенщиной – она никогда раньше не видела Цзиньлин во всем его великолепии, ни величественной старой столицы Северной династии – для нее 48 крепостей были лучшим и величественным местом на земле. Но У Чучу не рассмешила ее серьезность, вместо этого она чувствовала себя странно меланхоличной. Каким бы великолепным ни был этот мир, у нее не было привязанности ни к одному месту. За тысячи миль от дома, и отныне навсегда во власти других, она завидовала тому, у кого был дом, место, куда они могли бы страстно желать вернуться. Она тихо спросила Чжоу Фэй: «В 48 крепостях я... смогу ли я также изучать боевые искусства?»

Чжоу Фэй сделала паузу, пытаясь сообразить, что сказать.

Выражение лица У Чучу тут же снова помрачнело, и она продолжила: «Тогда, я думаю, это невозможно. Я слышала, что все мастера боевых искусств должны начинать с юного возраста, так что я, наверное...»

«Почему ты не можешь?! Хотя ты, возможно, и не будешь так хороша, как те, кто практиковал с юных лет, но ты, по крайней мере, станешь сильнее, чем сейчас. Когда мы вернемся, я попрошу... - Чжоу Фэй собиралась сказать «мою мать», но передумала, так как у госпожи Ли и так был забот полон рот, и у нее могло не оказаться на это времени. Она продолжила: - ...бабушку Ван, чтобы она научила тебя. Она очень добрая и хорошая, и обязательно согласится».

Чжан Чэньфэй рассмеялся: «Только посмотри на себя, даёшь моей матери работу».

Радость промелькнула на лице У Чучу, и она открыла рот, чтобы что-то сказать. Но затем выражение ее лица внезапно стало сдержанным, и она тихо отошла в сторону.

Чжоу Фэй подняла глаза и увидела, что Се Юнь подошел, наконец-то сумев отбиться от любопытной толпы, но воздержался от прерывания ее разговора с юной барышней У. Он стоял в нескольких шагах от них, лучезарно улыбаясь и скрестив руки на груди.